

Анатолий Рясов
(р. 1978) – независимый
исследователь.

В 1996 году Жак Деррида выступил в нью-йоркском Музее современного искусства с лекцией об Антонене Арто, приуроченной к открытию выставки его графических работ и столетию со дня рождения. Это далеко не первое обращение Деррида к творчеству Арто, но одной из ключевых тем этого доклада стала правомерность подобного разговора в стенах музея. Название доклада – «Арто-Мома» – обыгрывало аббревиатуру МоМА (Museum of Modern Art) и одновременно отсылало к заголовку поэтического сборника «Artaud le Môme» («Дурачок Арто»)¹. В 1946 году издание этой книги ознаменовало возвращение пятидесятилетнего Арто из психиатрической лечебницы Родеза после многолетнего заточения. Полувеком позднее – числовые совпадения впечатляют – Деррида задается вопросом, как быть с присвоением этого предельного опыта институтами вроде музея или выставки, само предназначение которых в корне противоположно природе представленных работ.

«Сегодня, находясь здесь, я могу вообразить вулканический масштаб его гнева, он бы сейчас кричал на нас, бросал нам в лица проклятия и ругательства, изобретая их на ходу, – уникальные и неподражаемые, невоспроизводимые проклятия, совершенные или безобразные, предназначенные для этого места и времени, здесь и сейчас, жестокие глоссопоэтические вмешательства»².

1 ARTAUD A. *Artaud le Môme* // ИДЕМ. *Œuvres*. Paris: Editions Gallimard, 2004. P. 1123–1141.

2 DERRIDA J. *Artaud the Moma*. New York: Columbia University Press, 2017. P. 74.

**ПОЛИТИКА
(АКАДЕМИЧЕСКОЙ)
КУЛЬТУРЫ**

Если это трагическое несоответствие и может быть чем-то оправдано, то только неизбежным ощущением меланхолии и стыда. Но полностью примирить наследие Арто с культурными учреждениями все равно не получится. Он словно очертил вокруг себя широкий огненный круг, заглянуть внутрь которого не удастся, не опалив кожу.

Однако здесь обнаруживается пространство для еще одной проблемы: насколько опыт в принципе поддается институционализации? И кажется, наиболее затруднительным для Деррида этот вопрос оказался в отношении собственной жизни. Известна его многолетняя, порой почти доходящая до патологии приверженность к сохранению собственных архивов. Характерные примеры: создание кладбища домашних котов в саду неподалеку от дома и не лишённые тщеславия мысли о том, как именно исследователи будут интерпретировать галочки на полях книг из его библиотеки. Но одновременно многие (или лучше сказать категоричнее – абсолютно все) его тексты недвусмысленно указывают на предательскую обманчивость этих следов. Вот одно из таких признаний – кстати, почти артодианское: «Я стыжусь за свое стремление быть понятным и убедительным (в конечном счете как будто для других), мне стыдно говорить и писать на общепринятом языке»³.

Биография Деррида насыщена множеством на первый взгляд несогласованных эпизодов. Подростковое увлечение футболом оборачивается поступлением в Эколь Нормаль, привязанность к семье – прощанием с иудаизмом, любовь к художественной литературе – написанием философских книг, обеты верности – одиночеством внебрачного сына, многолетняя осторожность в политических высказываниях – заключением в пражскую тюрьму, годы преподавания – неприязнью академического сообщества к его персоне. Тому, кто знаком с текстами Деррида, эти разнесения могут показаться органичным продолжением его философской стратегии. Однако история взаимоотношений с Академией, связанная как раз с институционализацией опыта, заслуживает отдельного разговора. Попробуем проследить, как складывался этот сюжет – благо, в недавно переведенном на русский биографическом исследовании Бенуа Петерса этой теме уделено существенное внимание.

Студенческие увлечения феноменологией, лингвистикой и психоанализом постепенно начинают разворачиваться в масштабный грамматологический проект, достигнув кульминации ко второй половине 1960-х, когда буквально одна за другой появляются самые известные книги Деррида: «Голос и феномен», «О грамматологии», «Письмо и различие», «Диссеминация» и

3 ДЕРРИДА Ж. *О почтовой открытке от Сократа до Фрейда и не только*. Минск: Современный литератор, 1999. С. 14–15.

«Поля философии». Позже, несмотря на растущее количество публикаций, столь ошеломительных озарений уже не будет, но Деррида позволит себе изощренные эксперименты со стилем, чередуя эссе о писателях с политическими текстами. Отдельным жанром станут наследующие традиции Руссо полуавтобиографические книги, самая известная из которых, кстати, пока не переведена на русский (заголовок «*Circonfession*», представляющий собой слияние слов «обрезание» и «исповедь», можно передать как «Обрезаповедь»).

После курсов лекций, прочитанных в США, понятие деконструкции широко распространяется, книги Деррида переводятся на десятки языков. Его имя становится культовым для многочисленных читателей и костью в горле для университетских профессоров. Но к этому времени он успевает зарекомендовать себя как философ, способный давать весьма резкие ответы своим оппонентам. Многолетняя дружба с Луи Альтюссером, Морисом Бланшо, Полем де Маном, Жаном-Люком Нанси уравновешивается полемикой с Мишелем Фуко, Джоном Серлом, Юлией Кристевой, Терри Иглтоном. Несмотря на то, что многие из этих конфликтов стали необратимыми, Деррида не сожалел ни об одном из них: «Я не подчиняюсь... совету проявить осторожность. Именно это я называю влечением к истине: это *должно* быть заявлено открыто»⁴.

Отдельного внимания заслуживает эпизод не-встречи с Мартином Хайдеггером, чьи слова о том, что в случае труднопереводимого *différance* французский идет дальше немецкого, без преувеличения беспрецедентны. Но, несмотря на определенный интерес Хайдеггера к его текстам, Деррида понимал, что в личном общении они едва ли выйдут за пределы схемы «мудрый учитель и талантливые ученики», логика которой во многом обуславливала положение французских хайдеггеринцев. При этом в скандальной полемике на тему «философ и национал-социализм» Деррида с самого начала укажет на двусмысленный характер обвинений:

«На протяжении более полувека ни один серьезный философ не смог обойтись без “объяснения” с Хайдеггером. Как можно это отрицать? Зачем умалчивать то, что многие “революционные”, смелые, тревожащие произведения XX века, как философские, так и литературные, рискнули зайти, и даже с головой уходили, в регионы, преследуемые тем, что для философии, уверенной в своем либеральном леводемократическом гуманизме, является не иначе как дьявольщиной. Разве не нужно вместо того, чтобы затушевывать это или пытаться это забыть, постараться объяснить этот опыт, то есть опыт самого нашего времени, не считая, что отныне все это для нас ясно?»⁵

4 ПЕТЕРС Б. *Деррида*. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2018. С. 467.

5 Там же. С. 444.

Самого Деррида в дальнейшем будут интересовать пути деконструкции фундаментальной онтологии и причины появления разнообразных «призраков» в философских текстах, этой теме он посвятит несколько работ, прежде всего – доклад «О духе. Хайдеггер и вопрос»⁶. Оппоненты, однако, едва ли воспримут всерьез подобный стиль высказывания, а например, Жан-Пьер Фай даже будет некоторое время занят своего рода деконструкцией работ Деррида на предмет скрытых связей с национал-социализмом. Собственно, сын Фая – Эммануэль – в связи с изданием «Черных тетрадей» станет первым, кто в очередной раз призовет к «отмене» философии Хайдеггера. Биограф Бенуа Петерс точно замечает, что «спор о Хайдеггере, как и о Селине, – это морской змей, который выходит на берег каждые 20 или 30 лет»⁷.

Однако схожую стратегию Деррида выберет и в ходе полемики о Карле Марксе, когда снова удостоится от оппонентов намеков на лояльность в отношении фашизма. Очевидно, что для Деррида подобные стремления «вычеркнуть» того или иного философа были свидетельством невнимания к природе археписьма, следы которого едва ли могут быть стерты поспешными манифестами. Но важнее, что эта нарочитая «отмена» раз за разом оказывается не чем иным, как проявлением институционализации – радикальной формой присвоения опыта. Иными словами, демонстративные жесты «вычеркивания» и «отмены» всегда идеологичны. Книгу «Призраки Маркса» вполне можно прочесть и как высказывание о будущей *cancel culture*:

«Этот господствующий дискурс зачастую принимает ту маниакальную форму ликования и заклинания, которую Фрейд приписывал так называемой триумфальной фазе работы скорби. Заклинание повторяется и превращается в ритуал; оно придерживается формул и зависит от них – как и во всякой анимистической магии. [...] Заклинание должно убедиться, что мертвец не вернется: следует скорее поместить труп в надежное место, чтобы он разлагался там, где был погребен, или даже забальзамировать его, как это любили делать в Москве»⁸.

Есть основания считать, что эти аргументы имели и свое биографическое объяснение: слишком многие, особенно в университетских кругах, были бы рады «отменить» и его собственную философию. Нередко эта проблема сужается до противопоставления зарубежной популярности Деррида и невнимания соотечественников.

6 DERRIDA J. *Of Spirit: Heidegger and the Question*. Chicago: The University of Chicago Press, 1989.

7 ПЕТЕРС Б. *Указ. соч.* С. 442.

8 ДЕРРИДА Ж. *Призраки Маркса. Государство долга, работа скорби и новый интернационал*. М.: Logos-altera, 2006. С. 80, 145.

чественников к его текстам. Однако подавляющее большинство его книг выходили во французских издательствах, и подлинные причины этой асимметрии, судя по всему, коренились в природе взаимоотношений между философом и Академией. Читая лекции по всему миру, Деррида одновременно оставался крайне неудобным автором для академической аудитории. Характерным примером может стать скандал 1990-х годов, сопровождавший получение Деррида степени доктора *honoris causa* в Кембридже. Это событие вызвало целую волну протестов – вот характерное высказывание одного из возмущенных ученых: присуждение докторской степени Деррида будет «равносильно назначению пиромана на пост главы пожарной службы»⁹. Академия – это своего рода музей, бережно хранящий шедевры, предлагающий неопитам сложные обряды инициации и плотно закрывающий двери перед недостойными признания.

Подобное отношение к текстам Деррида со стороны профессуры – давно не новость, и тем не менее едва ли не самым ошеломительным фактом его биографии оказывается эта многолетняя пытка университетской бюрократией. Читая интервью Деррида, легко впасть в заблуждение, что работа в журнале «Tel Quel» или сотрудничество с издательством «Minuit» гарантировали освобождение от образовательной рутины. Но, в отличие от писательской деятельности, жизнь философа неизменно характеризуется определенной степенью прозябания в академической среде. Размышления Деррида об Академии – это нескончаемая меланхолия, изнуренность интригами, кафкианскими формальностями, извечным карьеризмом.

Начиная еще со студенческих работ стиль его письма не соответствовал принятому в университетских кругах. Деррида сначала проваливает экзамен «агрегасьон», а когда, наконец, проходит испытание, то пишет Луи Альтюссеру, что уже не может гордиться похвалой наставников: «Просто выпиваю, ее как микстуру, как больной агрегацией, коим я стал. Боже мой, когда же я покончу со всей этой лагерной чужью?»¹⁰ Но, и получив право преподавания в лучшем учебном заведении Франции, он испытывает постоянную депрессию, а вовсе не долгожданную радость.

Большинство студентов вспоминают Деррида как исключительно внимательного преподавателя, готового вникнуть в любые проблемы и презирающего халтуру. Но работа в Сорбонне изнуряла его ничуть не меньше: «Бывают дни, когда из-за усталости во всем этом я замечаю только выгорание, износ и бессмысленную жертву»¹¹. В любом случае «лагерная чужья»

9 ПЕТЕРС Б. Указ. соч. С. 520.

10 Там же. С. 96.

11 Там же. С. 143.

будет сопровождать его едва ли не до последних лет жизни. Увы, основным средством заработка философа чаще всего является вовсе не написание трактатов, а преподавательская деятельность, далеко не всегда (если не сказать большего) связанная со структурированием собственных идей. Сколь-либо уравновешенные отношения с Академией, несмотря на обилие официальных наград, у Деррида так и не сложатся.

Когда в конце 1970-х Поль Рикёр предлагает ему занять свое преподавательское место в университете Нантера, Деррида сперва не соглашается, но затем поддается уговорам. Для этого ему понадобится завершить государственную диссертацию, от защиты которой он ранее отказался, но в итоге институциональная волокита приведет к изменению первоначальных условий. После защиты ему придется еще и присутствовать на слушаниях в Высшем совете институциональных кадров, в рядах которого обнаруживается немало недоброжелателей Деррида, желающих поставить его на место (уже отнюдь не в смысле предоставления должности). Ситуация оказывается вдвойне нелепой: известному философу и приглашенному преподавателю нескольких иностранных вузов приходится получать положительную оценку от научных функционеров, чтобы занять должность, которая изначально была ему не нужна. Но удивительнее всего, что Деррида дождался этого этапа, чтобы произнести: «Ноги моей больше не будет в этом учреждении»¹².

Издательский мир или взаимоотношения со СМИ, конечно, тоже не представляли как воплощение мечты, однако здесь подобные мытарства по крайней мере завершались публикацией текстов. А вот традиционная академическая среда неизменно оборачивалась темными сторонами. Даже проект создания собственной школы философов – Международный коллеж, – одним из основателей которого стал Деррида, в итоге вызывал у него лишь чувство усталости: «Я очень любил коллеж, поскольку был одним из тех, кто мечтал о нем и его основал. Но очень скоро я уже не мог оставаться там, [...] я слишком далек от любых сообществ, чтобы поддерживать клан»¹³. Выступая с открытыми лекциями, Деррида значительно эффективнее реализовывал философский диалог с аудиторией, чем во времена, когда был штатным преподавателем.

Раз за разом надежды реформировать Академию терпят крах, сталкиваясь с очередным сражением за регалии, затхлым кафедральным воздухом и бесконечными отчетами. Но при этом полностью разорвать свои отношения с преподавательской средой тоже не удается. Несмотря на бесконечные lamentации,

12 Там же. С. 381.

13 Там же. С. 420.

Деррида никогда всерьез и не стремился к этому – более того, ему была необходима официальная печать признания, легитимирующая его профессиональную деятельность. К тому же никакой внятной альтернативы формату выступления в аудитории обнаружить не удалось, а эксперименты вроде лекции в джазовом клубе сложно вспоминать без отвращения. «Я принадлежу к Академии», «я не нахожусь в ситуации независимо авангардного писателя, “вольного стрелка”», – подчеркивал он во время визита в Москву¹⁴. Ему никогда не пришло бы в голову называть себя кем-то вроде двойника Арто в сфере философии. За редкими исключениями философы не очерчивают вокруг себя огненные круги.

Тем не менее Деррида так и не покинет чувство, что Академия не способствует, а мешает занятию философией. Собственно, он в этом не одинок: подобное ощущение удушья на университетских кафедрах испытывали Фридрих Ницше, Вальтер Беньямин, Людвиг Витгенштейн, даже Мартин Хайдеггер и Жак Лакан. Но при этом путь к онтологии и эпистемологии роковым образом продолжает лежать через признание философии в качестве университетской дисциплины, регулируемой Министерством образования. Многолетний конфликт Деррида с академической средой демонстрирует не только неприятие официальной науки, но и невозможность расстаться с ней, превращаясь в своеобразную форму привязанности. Чтобы состояться, опыт философа должен быть частично присвоен Академией, но при этом он рискует раствориться до той степени, когда присвоение мысли уже неотличимо от ее отмены. А объем «проклятой части», увы, никогда не известен заранее. Для Деррида это противоречие так и осталось неразрешенным: «Это прошлое было очень болезненным, я, если говорить без обиняков, никогда не любил Школу, я всегда чувствовал себя в ней плохо»¹⁵.

14 *Философия и литература // Жак Деррида в Москве: деконструкция путешествия.* М.: Культура, 1993. С. 175.

15 ПЕТЕРС Б. *Указ. соч.* С. 91.